

Михаил Арцыбашев

О Толстом

Михаил Арцыбашев

О Толстом

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

О Толстом / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1912

ISBN 978-5-457-13736-3

«Если бы в то время, когда Моисей шел умирать на гору, а Иисус возносился на небо, существовали газеты, божественные легенды вряд ли дошли бы до нас в виде легенды. Вместо них были бы бюллетени. В этих бюллетенях была бы правда, но правда о предсмертной изжоге, икоте и судорогах. Нужна ли человечеству эта пошлая правда? — спрашивает один публицист...»

ISBN 978-5-457-13736-3

© Арцыбашев М. П., 1912

© Public Domain, 1912

Михаил Петрович Арцыбашев О Толстом

Если бы в то время, когда Моисей шел умирать на гору, а Иисус возносился на небо, существовали газеты, божественные легенды вряд ли дошли бы до нас в виде легенды. Вместо них были бы бюллетени. В этих бюллетенях была бы правда, но правда о предсмертной изжоге, икоте и судорогах. Нужна ли человечеству эта пошлая правда? – спрашивает один публицист.

Странный и легкомысленный вопрос: правда никогда не бывает пошлой. Она может быть страшной, отвратительной или жестокой, но пошлость не живет в правде. И прежде всего и всегда надо знать правду, хотя бы неполную, хотя бы только о предсмертной изжоге. Даже изжога даст больше, чем самая сладостная легенда, ибо легенда есть обман, и каким бы возвышающим ни был он, неизбежно сомнение и разочарование, а за ними полное отчаяние.

Боже мой, как далеко были бы мы теперь от того топкого, не дающего никакой опоры ногам человека места, на котором стоим, если бы человечество шло путем правды, какова бы она ни была, а не бросалось из стороны в сторону за болотными огнями красных вымыслов.

Многие, в газетных статьях, письмах и личных беседах, спрашивали меня, почему я не принял участия в похоронах Толстого?

Я никогда не стремился в Ясную Поляну, когда Толстой был жив, а теперь, когда он умер, стало известно одно из его последних писем. «Вечные гости, кинематографы, авиаторы и проч. сделали отвратительной мою жизнь, я должен отдохнуть...»

Конечно, это говорилось не о тех, нищих духом, которые шли к Толстому за разрешением мучительных сомнений и хотели воплотить или воплощали в своей жизни заветы его учения. Такие делали его жизнь полной смысла, и таких он хотел и не мог не хотеть видеть. Это были родные его по духу, и сердце его радовалось и болело вместе с ними.

О чем стал бы говорить с ним я? Какое удовольствие могло доставить старику посещение писателя, по духу искренно чуждого его вере?.. Удовольствие спора? Нам не надо было для этого видеть физиономии друг друга. Я был известен ему как писатель, и если бы мои взгляды на жизнь интересовали его, он мог бы прочесть мои книги, как я прочитал его. Заставлять же его интересоваться мною, заставлять спорить я не хотел. В моей жизни он сыграл слишком большую роль, чтобы я не чувствовал к нему благодарности и не жалел бы его. И как жаль, что так же не поступали все те, кто лез к нему без всякого определенного дела, наполнял его дом суетой дворцового приема, ходил за ним по пятам и, наконец, – «отравил ему жизнь»! Бог знает, сколько раз Толстой мечтал о том, чтобы черт убрал всех этих назойливых мух, лезущих ему в глаза и уши, чтобы осталось возле него несколько человек, и в тихой беседе с ними, в уединении яснополянском, мог бы он пожить, подумать и помолиться по-своему.

Ну а что касается собственно похорон, то, если кому доставляет удовольствие возиться с трупами, посыпать могилки елочкой, таскать веночки и голосить вечную память – дело их. На это тьма охотников, мне же это ни к чему. Поменьше бы возни с трупом, побольше бы уважения к живому. А то при жизни, точно ризы Христовы, по живому телу делили Толстого на гениального художника и плохого мыслителя, в эпоху революции провозглашали его выжившим из ума старикашкой, всю жизнь терзали напоминаниями о разладе между жизнью его и учением, лезли в глаза, терзали, оскорбляли, а после смерти завывали, как волки в поле.

Одна барышня рассказывала мне, как в день смерти Толстого прибежал к ней некий студент и сказал, схватившись за голову: как мы будем жить, как мы будем дышать без него!.. А когда дня через три жестокая барышня невинно осведомилась, как его здоровье и как ему

дышится, студент удивился, а поняв злость вопроса, жестоко обиделся... Ничего, дышит и по сей день!.. Это не пустяк, и студент этот – яркий выразитель многих тысяч весьма далеких от наивности людей. Сколько было споров, с участием премьера Плеханова, между прочим о том, страшно или не страшно жить с Толстым и без Толстого, сколько известных людей писало, что им легче жить с Толстым, что они счастливы, живя в одно время с ним, а между тем никто из них в своей жизни, и как человека, и как писателя, не принял ни одного из заветов Толстого и после смерти его продолжал жить совершенно так, как и при жизни его.

То, что Толстой умер, меня нисколько не поразило и даже не тронуло. Всякий человек умирает, умру и я сам, между нами только та разница и есть, что он умер на несколько лет раньше. Если это страшно, то страшно постольку, поскольку есть смерть, и тогда страшно, если и кошка сдохнет, а что именно Толстой умер... так не изумляться же тому, что и такие тузы живут и умирают?.. Было человеку восемьдесят три года – естественное дело, что умер. Рано или поздно, должен был умереть. Вы признайте, что смерть есть, что она страшна, что все ваши гипотезы и идеалы идут перед ней насмарку, что бессмертие души – выдумка, что с этим нельзя бороться красивыми словами и остроумными предположениями, ну – тогда ужасайтесь заодно и в частности смертью Толстого. А если верите, что Человек живет для будущего человечества, что это для него очень важно что творит он волю его Пославшего, что ждет его переход в лучший мир, одним словом, во что угодно, но такое, что якобы наполняет мертвую пустоту смерти, тогда и не ужасайтесь. Чего ради?.. Ведь этим ужасом вы насмарку ведете всякую веру в вашу искренность... Иначе чего же плакать? Он-то уж конечно и волю Пославшего по мере сил творил и для блага будущего послужил много, и если уж кому по заслугам и достоинству довлеет лучший мир, то, наверное, ему... не вам же!.. Нечего и огорчаться: исполнил человек свое предназначение, и слава Богу!

Иные и чувствовали, что тут явная нелепость, что вера во что бы то ни было будущее – в человечество или рай – несовместима с плачем и воплями, но нашли лазейку: страшно не то, что Толстой умер, а то, что ушла великая душа, совесть великая, и без нее нам трудно.

Великая душа и совесть не ушли из мира и не могли уйти. Ушел труп, маленький старичок, которого отныне уже нельзя увидеть и пощупать, которого никаким фотографическим аппаратом не поймашь и голоса которого ни в какой фонограф не запрешь. А душа великая и совесть великая остались: где же вы дели книги Толстого?.. Кажется, все его учение выражено так полно, что полнее и нельзя. Не осталось ни одного темного места, не о чем спросить, как на этот счет думал Толстой? Яснее ясного изложены его заповеди. И кому действительно нужен Толстой как совесть, пусть развернет его книги и на каждый вопрос найдет ответ: живешь плохо потому-то, будешь жить правильно, если не будешь делать того-то, должен жить так-то и во имя того-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.